

05
H40

HEBA

6 | 1974

9

Вс. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

ПУШКИНСКИЙ ПАРК

Только вечер затеплит звезду,
Как и прежде, волнуясь заране,
В занесенном снегами саду
Я к нему приходил на свиданье.

На скамье своей, в бронзе отлит,
Был задумчив, как в юные годы,
Верный данник родных аонид
И приверженец тайной свободы.

Зимний день становился мутней,
Небо низилось, изморось сея,
И плыла среди черных ветвей
В эту темень громада Лицея.

И тогда мне казалось: вот-вот
Он, кудрями встряхнув, как бывало,
На примятую тропку сойдет —
Иль, вернее, прыгнёт — с пьедестала.

Так и было той тихой порой,
В час, когда оживают виденья, —
В сон аллея за оградой литой
Проскользнул он безмолвной тенью...

Перепархивал легкий снежок,
Синий сумрак окутал неярко
Молчаливый Фелицин чертог
И куртины пустынного парка.

На стволы чистый иней налип,
Распростерт был дворец величаво,
И под своды заснеженных лип
Повела его юная слава.

Вновь он видел — годам вопреки —
Над водою тяжелой и черной
Павильонов лепных завитки
И орла на колонне озерной.

Было тихо и пусто кругом,
Ни души — лишь деревья чернели
И в тумане ползли над прудом
Кудреватые пряди метели.

Он же тенью скользил в полутьму, —
Пусть волшебные сумерки длятся!
Он живой. И не надо ему
Снова в бронзу свою возвращаться.

Андрей АЛДАН-СЕМЕНОВ

ПУШКИН НА РЕКЕ САКМАРЕ

Седое небо
 в звездах волчьих,
И в звездном инее жнивье.
Возница,
 низенький и тощий,
Поет про горькое житье.

Светает.
 На заре крылатой
Стремителен степей разбег.
В коляске узкой и покатою
Молчит
 усталый человек.

Его несут
 ветра косые
С лесного севера на юг,

Из Петербурга,
 из России,
В забытый богом Оренбург.
Не ради денег,
 не для славы,
Во имя правды
 давних дней,
Он мерзнет на степных заставах,
Спит на лежанках из камней.

Записывает, чуть не плача,
Суть нестареющих речей
У разговорчивых казачек,
У нелюдимых толмачей,

Он сокращает путь неблизкий
Ночными песнями без слов,

Зеленым чаем по-башкирски
 И кумысом у пастухов.
 Заря сентябрьская в разгаре,
 Как пламя,
 стелется ковыль,
 И вот уже видна Сакмара,
 Из-под копыт взлетает пыль,
 Шумит полынное раздолье,
 Мелькает город за рекой,
 А сердце то пристукнет болью,
 То наполняется тоской.
 Как новое стихотворенье,
 Дорога путника влечет,
 Встаёт давнишнее виденье —
 На штурм летящий Пугачев.

Игорь МИХАЙЛОВ

От площади, толпясь под аркой
 дворца,
 подобием реки,
 как бы подарок за подарком
 для родины —
 в сверканье жарком
 текли по улице полки.

И с чувством молодой тоски,
 и восхищенья, и досады —
 веклокочен, сумрачен и дик —
 к железу парковой ограды
 всей грудью жадно он приник.

Как на подбор — широк и строен, —
 проходит строй за новым строем,
 России гордость и краса —
 седые кудри ветеранов,
 цветные дротики уланов,
 сквозь бормотанье барабанов —
 труб золотые голоса.

Румян и свеж, вполне счастливый,
 гусар, юнец нетерпеливый,
 нетерпеливого коня
 осаживал, как бы дразня,
 и конь, оскалась, то и дело
 кружился, взвившись на дыбы,
 и глаз косил осатанело,
 и пена ключьями летела
 к ногам восторженной толпы.

Идут, идут победным маршем,
 идут все дальше, дальше, дальше...
 Идут судьбу веков решить,
 разбить двенадцать языков,
 смертельно ранить, сокрушить
 несокрушимого владыку.

— Остановись, постой, возница!..

И он идет,

 где шли полки
 За власть мужицкую сразиться,
 На берегах степной реки...
 Вода полна

 тоски лиловой,
 И, словно подчинясь тоске,
 Суровый профиль Пугачева
 Рисует Пушкин на песке.

Вот так на берегу высоком
 Свои оставили следы

Поэзии

 российской сокол
 И царь мужицкий
 из Берды.

В ЛИЦЕЕ

Вы помните: текла за ратью рать;
 со старшими мы братьями прощались
 и в сень наук с досадой возвращались,
 завидуя тому, кто умирать
 шел мимо нас... А. Пушкин.

Последний полк прошел.

А он —

как будто солнцем ослеплен —
 стоял, лишенный дара речи,
 стоял недвижимый, пока
 в пыли не скрылися войска
 и звон копыт не стих далече.

...Он шел к пруду.

Уже смеркалось.

Как воздух необычно тих!

Здесь даже лебедь был, казалось,
 лишь изваяньем среди других.

Что стбит мраморная слава
 кумиров живых на пути
 пред этой правдой величавой,
 пред этой славой во плоти?
 И что — сгоревшая дотла —
 былого жизнь сторожевая,
 когда история живая
 сегодня перед ним прошла?

О, если б мог и он туда —
 к Москве, за старшими друзьями —
 в походах мокнуть под дождями,
 не отдыхать,
 не спать ночами,
 от тела родины плечами
 своими
 отвел удар!

О, если б мог и он туда —
 туда, где зреет бой кровавый,
 где — ослепительно страшна,
 еще поэтам не видна —
 бессмертного Бородина
 таится радостная слава!